

Е. С. Отин

УДК 81'373.2

СЛЕНГОВЫЕ СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА В ОНИМНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Реферат. Среди онимных коллоквиализмов особое место занимают названия, обладающие высокой экспрессивностью и сформированные при помощи характерных для жаргона способов и средств словообразования, для которых предлагается термин сленгоним. Рассмотрены типы сленгонимов, представлен опыт их лексикографического описания.

Ключевые слова: сленгоним, коллоквиализм, словарь сленгонимов.

В общем, региональных и профессиональных жаргонах русского языка присутствуют весьма многочисленные собственные имена отонимного и отапельлятивного происхождения, выступающие в качестве параллельных ненормативных (субстандартных) образований, которые воспринимаются на фоне соответствующих им “базовых” официальных названий как экспрессивно-оценочные или словесно-игровые их эквиваленты с пониженным социально-речевым статусом. Для их обозначения нами предложен термин *сленгоним*, или *жаргонный оним*, с его модификациями (здесь и далее слова *жаргон* и *сленг* мы употребляем как абсолютные синонимы). В зависимости от вида объекта номинации это могут быть разного типа *топосленгонимы*:

1. *Сленговые годонимы* (*Щетка* – улица Щетина в Пролетарском районе г. Донецка), *Старый Пимен* вместо *Старо-Пименовский переулок* в Москве (ср. у А. Рыбакова в “Детях Арбата”: “На Старо-Пименовском он отдыхал от дел, становился веселым, благодушным, и Варя любила ездить с ним к *Старому Пимену*”), названия бульваров – *Твербуль* (= Тверской бульвар) в Москве и *Примбуль* (= Приморский бульвар) в Севастополе в довоенные годы; внутригородские сленговые хоронимы *Жилка* (из *Жилплощадка*) – название одного из районов Казани в 70-80-е годы; *Черкизон* – вместо официального названия *Черкизовский рынок* в Москве: “Но в торговом центре “Москва” свободных мест было чуть больше одной тысячи, а на Черкизоне уменьшилось – 15 тысяч! Так что говорить, будто весь Черкизовский туда переехал, неправильно” (“Аргументы и факты”, № 40, 2009 г.).

2. *Антропосленгонимы*, *библиосленгонимы*, например, *Сало* вместо фамилии *Солженицын* и *Архип* – вместо названия произведения “*Архипелаг ГУЛАГ*”: “А про Солженицына говорил, что “Сало” пошел напролом, написал “Архипа”, был изолирован от народа и вынужден был стать политиком...” (из интервью с Г. Бурковым по поводу 60-летия В.М. Шукшина, опубликованного в 21-м номере журнала “Крокодил” в 1989 г.)¹, прозвище *Васал* < *Вас(илий) Ал(ексеевич)*, из первых слогов имени и отчества профессора исторического факультета Донецкого национального университета В.А. Пирко в речи его студентов.

3. *Эргосленгонимы* (*Плешка* < *Академия имени Плеханова*).

4. *Артиосленгонимы*, которых оказалось в онимном пространстве городов довольно много,

¹ Зафиксирован еще один – синкопированный вариант сленговой переделки (в речи диссидентов) фамилии *Солженицын* — *Солж*: *Их Солж не выдержал. Даже Солж, великий Солж...* (В. Некрасов. “Маленькая печальная повесть”).

например: *Капуста* – памятник подъячому Г. Капустину в г. Макеевке, Донецкой области, или *Двое третьего ждут* – монумент “Твоим освободителям, Донбасс” в парке им. Ленинского комсомола в Донецке; три артиосленгонима, бытующие в молодежном сленге Харькова для обозначения памятника влюбленным на улице Пушкинской, открытого в 2002 г., – *Глисты*, *Жертвы голодомора* и *Бухенвальд* (фигуры целующихся напряженно вытянуты друг к другу, худосочны, с откинутыми назад руками). В Казани Памятник Независимости Татарстана местные жители именуют *Бэтмен*, *Штопор* и *Птичка*: он представляет собой скручивающееся в воронку двумерное покрывало (Г. Зайнатуллина. Попытка казанософии. – «Октябрь». – 2008 г., № 10, с. 183). Количество примеров можно немало увеличить.

Большинство сленгонимов появляется в процессе речевой коммуникации молодежи, легко идущей на самые неожиданные и подчас эпатажные словообразовательные инновации (ср. *Йоха*, *Йошка* – топосленгонимный эквивалент официального ойконима *Йошкар-Ола*, *Чебы* вместо *Чебоксары*, *Ёбург* вместо *Екатеринбург* и др.)².

Такой маргинальный слой современной внутригородской топонимии И.Н. Потанухина обозначает описательными терминами *городская неофициальная топонимика* (следовало бы *топонимия*) и *разговорные микроурбанонимы*, посвятив им содержательное исследование. На новейшем материале, носящем преимущественно региональный характер (г. Ульяновск, Россия), ею рассматриваются наиболее продуктивные способы образования таких “неофициальных топонимов”, среди которых: суффиксальная универбация, деэбревиация, усечение, контаминация, метафорический перенос, метонимия и др. (Потанухина, с. 65-68, с. 80).

Все сленгонимы образуются в разговорной речи, составляя в ней особую группу коллоквиализмов. Далеко не все онимные коллоквиализмы принадлежат сленгу. Прежде всего это нейтральные словообразовательные варианты официаль-

² Как тут не отдать должное интуиции депутатов Верховной Рады Украины, не согласившихся вернуть родному селу Ивана Франко во Львовской области его историческое имя — *Нагуевичи*. Стихия молодежного сленга не пощадила бы и его, как это уже произошло с другим ойконимом, мотивированным именем писателя, — *Ивано-Франковском*, превратившимся в сленгоним *Фр́аник*: “У долині я маю шанс піймати за хвіст червону руту (распространенное в Западной Украине название пригородных дизелей, окрашенных в красный цвет. — Е. О.) до Франика” (Ю. Андрухович. “Тасмниця”). Легко предугадать, какая бы метаморфоза ожидала в молодежном жаргоне комоним *Нагуевичи*.

ных (нормативных, документально закрепленных) собственных имен, образованные в соответствии с нормами разговорной речи, представленными в ней образцами. Нельзя считать сленгонимами и уже потерявшие свою “корпоративную” привязанность некоторые бытующие в современной речи усеченные образования, например, *Днепрó* (< *Днепропетровск*); *Питер*; *Карело-Финия* (< *Карело-Финская ССР* (в тексте интервью с В.Е. Семичастным, напечатанном в № 24 журнала “Огонек” за 1989 г.); *Афгáн* (< *Афганистан*), например: “Зато после *Афгана* любая трудность покажется комариным укусом” (А. Боровик. “Встретимся у трех журавлей”) и другие – в отличие от *Влáдик* (< *Владивосток*), *Крама́ха* (< *Краматорск*), *Бухарчик* (< *Бухарин* в речи представителей партийной элиты 30-х годов, например: “Бухарина она называет нежно: *Бухарчик*” (В. Глотов. Шаг влево, шаг вправо...), *Ж́ирик* (< *Жириновский*), *Юц* (< *Ющенко*), *леди Ю* (*Юля*), *Кролик Сеня* (*Арсений Яценюк*) и под. Безусловно сленговым ойкодомонимом является собственное имя *Флакóн* – название одного из домов на набережной Кальмиуса в Донецке (по особенностям строения его крыши) в отличие от неофициальных именованных трех домов на Устьинской набережной в Москве – *Келаревка* (по фамилии бывшего владельца *Келарева*), *Нацноновка* и *Комаровка* (газета “Московская правда” от 13 сентября 1990 г.), являющихся типичными *разговорными микроурбанонимами* (термин И.Н. Потанухиной).

В этом отношении различие между старым офенским астионимом *Батус* (*Батусья*) – ‘Москва’ и вышеприведенными современными топосленгонимами – существенно: если первый является продуктом корпоративного “тайноречия” бродячих торговцев – офеней и не содержит каких-либо коннотаций, то вторые, кроме назывной, выполняют еще эмоционально-оценочную или игровую (а часто и обе одновременно) функции и, как правило, создаются не с целью конспирации, контактно-речевого обособления. В этом легко убедиться, если познакомиться с материалом регионального словаря топосленгонимов Д.С. Балдаева (г. Санкт-Петербург и Ленинградская область), некорректно названных автором “народно-блатными топонимами” (Балдаев, с. 275-333).

Онимные коллоквиализмы нередко возникали в прошлом в результате звуковой и структурной адаптации иноязычных собственных имен, являясь их “удобопроизносимыми” вариантами. Коллоквиализацию испытали и некоторые русские составные названия, превратившись, благодаря их стяжению (универбации), в однословные онимы. Топоним *Шлюссельбург* в русской речи местного населения изменяется в региональный онимный коллоквиализм *Шлюшин*: “Я помню, как мы приехали в Шлюссельбург, или, по местному назва-

нию, *Шлюшин...*” (М.Е. Салтыков-Щедрин. “Годовщина”).

Ряд современных онимных коллоквиализмов имеют древние корни. Одним из них является топоним *Питер*, зафиксированный в письме А.И. Герцена к И.С. Тургеневу от 7 марта 1861 г. (“Я попросил графа Кушелева телеграфировать вопрос в *Питер*”), который, в свою очередь, появился в результате упрощения более раннего онимного коллоквиализма XVIII века – *Санкт-питер*. Последний присутствует в тексте романа “Во селе, селе Покровском”, который приписывают императрице Елизавете Петровне: “Приезжал ко мне детинка из *Санктпитера* сюда” (РПР, с. 28). Экклезионимным коллоквиализмом в позапрошлом веке был и ходовой уже тогда вариант названия Троицко-Сергиева монастыря – *Троица-Сергий*: “У *Троицы-Сергия*, как и всегда, отстаивали всенощную и служили молебен” (М.Е. Салтыков-Щедрин. “Пошехонская старина”). В конце XIX – начале XX в. возникли разговорные варианты агоронимов – названий рынков. Это коллоквиализмы *Сушка* < *Сухаревский рынок* в Москве, например, в речи его торговцев: “Нам бы на *Сушку* хоть одного черта лысого...” (ММС, 119) и *Евбаз* < *Еврейский базар* в Киеве.

Итак, сленгонымы (или *жаргонимы*?) несут в себе заряд “мощной экспрессивности” (БСРЖ, с. 8), что заметно отличает их от других онимных лексических коллоквиализмов. Например, из нескольких неофициальных названий отдаленных районов города Пскова (Россия) – *Корытово*, составляющих целый “синонимический” ряд – *Корытка*, *Корыто*, *Разбитое Корытово* (ассоциация с фразеологизмом *у разбитого корыта*), *Корытов-сити* и *Рио-де-Корытово* (РСС, с. 157, с. 237) только первое из них (*Корытка*) не является сленгономом, будучи типичным для русской разговорной речи образованием с суффиксом *-ка* с невысоким экспрессивно-эмоциональным потенциалом, которым обладают остальные наименования – бесспорные сленгонымы. Ослабление же или утрата этого потенциала переводят сленгонымы в разряд обычных – “спокойных” онимных коллоквиализмов. Исходя из этого можно говорить о “живых” социально-групповых сленгонымах и сленговых собственных именах с уже “потухшей” экспрессией и расширенной сферой употребления – *генетических сленгонымах*, испытывавших *десленгонимизацию*.

По характеру лексической базы сленгонымы подразделяются на следующие типы:

1. Отонимные, например: *Конста́ха*, *Крама́ха*, *Кра́сик*, образованные от официальных ойконимов *Константиновка*, *Краматорск* и *Красноармейск* (Донецкая область, Украина); *Брод*, *Пролебабушка* – от официальных годонимов

улица Бродского и *Пролетарский бульвар* в Пскове (РСС, с. 43); “*Ливер*” – сленговое название английской команда “Ливерпуль” и др.

2. Отапеллятивные, например: сленговый окказионализм “*Штука*” – название магазина “*100 мелочей*” в городе Макеевке (Донецкая область, Украина), возникшее благодаря онимизации жаргонного слова *штука* ‘тысяча’ и т. д.

По своему составу сленгонымы могут быть:

1. Однословными (их большинство): “*Белка*” – универмаг “*Белый лебедь*” в г. Донецке, *Волна* – город *Волноваха* в Донецкой области и под.

2. Словосочетаниями: *Мечта импотента* – стела возле памятника В.И. Ленину в г. Донецке (это ее сленговое название употреблялось в речи горожан в 80-90-е гг. прошлого века,; такое же шутливо-ироничное имя носит Мемориальная стела в г. Пскове (РСС, с. 167), *Баба Лена* – памятник В.И. Ленину в г. Пскове (РСС, с. 27), “*От заката до рассвета*” – бар “*Майами*” в городе Харцызске Донецкой области (бар работает круглосуточно), “*Мужик с тортом*” – памятник Ярославу Мудрому в Киеве.

3. Микропредложениями (весьма редко): “*Подвезите девушку*” – памятник в Киеве, представляющий собой скульптурную композицию “Княгиня Ольга, Кирилл и Андрей Первозванный” (СУ, с. 21), “*Двое третьего ждут*” – памятник Освободителям Донбасса в г. Донецке и т. д.

Процессы порождения различных разрядов и видов сленговых (жаргонных) собственных имен весьма активны и разнообразны. Количество сленгонымов неуклонно возрастает, особенно в речи молодежи с ее тягой к словесной “эксцентрике”, откуда часть их них проникает в общий жаргон или, испытав десленгонимизацию, пополняет очень близкий им по статусу лексикон онимных коллоквиализмов, как это произошло, например, с топосленгономом *Афган* ‘Афганистан’, появившимся в жаргоне военных. Ономатологам пора обратить внимание на субстандартную онимию, имеющую несомненные отличия от основной массы онимных коллоквиализмов как в словообразовательном, так и в функциональном отношении.

На кафедре общего языкознания и истории языка Донецкого национального университета ведется работа по сбору материала и составлению словаря сленговых (или жаргонных) онимических лексем, присутствующих в живой речи различных слоев населения Донбасса. Особое внимание уделяется объяснению процессов порождения таких сленговых собственных имен, а также их своеобразных формально-структурных признаков. При участии студентов составляется словарь сленгонымов жителей региона. Ниже приводятся образцы словарных статей, подготовленных автором.

ВОЛНА́. Город Волноваха, районный центр Донецкой области (запись 2008 г.). Астиосленгоним образован путем усечения общепринятого названия города, в результате чего возникло формальное совпадение с апеллятивом *волна*. Присутствует также в составе еще двух равнозначных астиосленгонимов с англо-американскими топонимическими “добавками”: *Волна́-Сѝти* и *Волна́-Вѐзас* (последняя – от *Лас-Вѐзас* – названия американского города в штате Невада, являющегося крупнейшим центром индустрии развлечений и игрового бизнеса).

КЛѐПА. Кафе «Клеопатра» в г. Донецке. *Приходи завтра вечером в “Клѐпу”, все обсудим подробно* (запись 2008 г.). Образование сленгового ойкодомонима связано с усечением имени древнеегипетской царицы Клеопатры VIII, отличавшейся образованностью и владевшей искусством обольщения мужчин. В европейских языках ее имя получило референтную коннотацию ‘обольстительная, сексопильная женщина’ (СКСИ, с. 216). Присутствует в современном женском именнике. На фонетические изменения в сленгоиме повлияли и производные формы этого антропонима: *Клѐпа, Клѐпка, Клѐпушка, Клѐпонька* (СРЛИ, с. 134, с. 301).

КОНСТА́ХА. Сленговый вариант названия города Константиновки, районного центра Донецкой области, образованный усечением основы официального астионима с добавлением к ней экспрессивного суффикса *-аха* (запись 2009 г.). См. также **КРАМА́ХА**.

КРАМА́ХА. Сленговый астионим, которому соответствует официальное название города на севере Донецкой области – *Краматорск*, исторически сложившееся в результате стяжения в одно слово составного топонима *Крома Торская*, т.е. ‘граница по реке Тор, Торская граница’ (подробнее см.: Отин 1997, с. 355-359). К усеченной основе официального ойконима был присоединен экспрессивный суффикс *-аха* (ср. *деваха, Натиха* и под.). Пример его употребления в репликах диалога, очевидно, нарочито насыщенного астиосленгонимами (запись 2009 г.): – *Ты где сейчас живешь – в Констахе или Крамахе? – Нет, давно уже в Рио-де-Житомире*. См. еще **КОНСТА́ХА, КРА́СИК**.

КРА́СИК. Город Красноармейск, районный центр Донецкой области (запись 2008 г.). Астиосленгоним образован сокращением (усечением) основы официального ойконима с последующей суффиксацией: *Крас(ноармейск) + ик*. См. также: **Бѐлка₂, КОНСТА́ХА, КРАМА́ХА**.

ЛѐНКА. Площадь имени В.И. Ленина в г. Донецке. Сленговый агороним, образованный на базе меморативного компонента полного официального названия площади путем усечения с последующей суффиксацией: *(имени) Лен(ина) + ка*. Такой же сленгоним зафиксирован и в России:

Ленка – 1) площадь имени Ленина в г. Пскове; 2) областная библиотека имени В.И. Ленина в этом же городе (с вариантом *Ленинка*, регулярно образованным от полной основы антропонима) (РСС, с. 149). Ср. также *Крупá* – сленговое название Областной научной библиотеки имени Н.К. Крупской в г. Донецке.

САН-ХАРЦЫ́ЗСК. Топосленгонимный вариант названия города Харцызска в Донецкой области. Появился благодаря звуковой “переключке” с названием города *Сан-Франциско* – крупного торгово-финансового, культурного и научного центра в Америке (штат Калифорния): *Харцызск – Сан-Франциско*. Эффект шутливо-иронического употребления создается благодаря объединению “разноприродных” фрагментов названий территориально далеких ойконимов и несоизмеримостью их статуса и известности. Другой вариант топосленгонима: *Харцызск-Сити* (англ. *city* ‘большой город’; как собственное имя – ‘торговая и деловая часть Лондона’). Ср. топосленгонимы *Волна́-Сѝти* (г. Волноваха), *Рио-де-Житóмир* (запись 2009 г.) и под.

Собственные имена в болгарском молодежном жаргоне в начале 2000-х годов исследовала Цветана Карастойчева (УБМС, с. 205-216), которую, по-видимому, можно считать первым ученым, предпринявшим попытку системно описать своеобразные словарные единицы “сленговой ономастики”. Она классифицировала их по “предметно-денотативной соотнесенности” и способам образования и пришла к выводу, что “сленговая ономастика несомненно беднее в количественном отношении, но также несомненно и то, что в словообразовательном отношении она представляет значительно более разнообразный и модельно более своеобразный материал”. Обращает на себя внимание структурно-смысловое сходство и мотивационная близость многих русских и болгарских молодежных сленгизмов. Приведем только несколько примеров таких болгарских сленгонимов: *Долината на дѐлбоките гаџи* – Родопска область, *Бургейс* – Бургас, *Ню Зейгър* – Нова Загора, *Съни бийч* (вариант *Съни*) – Солнечный берег (болг. Слънчев бряг), годоним *Ръкси* – улица Г. С. Раковски в Софии (известен с середины прошлого века), домонимы *Китайската стена, Момини гърди* и др. Ц. Карастойчева, как и мы, различает сленговые урбанонимы и урбанонимы-коллоквиализмы и отмечает случаи перехода первых во вторые (например, годоним *Графа* – бульвар “Граф Игнатиев”), связывая это с тем, что носители сленговых урбанонимов “с течением времени вышли из молодежного возраста, но продолжают их употреблять” благодаря их “аттрактивности и эмоциональному заряду”, что сделало их “привлекательными для более широкой общественной среды”.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Балдаев – Балдаев Д. С. Словарь блатного воровского жаргона. В двух томах. – М., 1997. – Т. 2.
 ММС – Иванов Е. Меткое московское слово. Быт и речь старой Москвы. – М., 1982.
 Потанухина – Потанухина И. Н. Городская неофициальная топонимика // Русский язык в школе. – 2008. – № 10.
 Отин 1997 – Отин Е. С. Тор и Краматорск // Е.С. Отин. Избранные работы. – Донецк, 1997.
 РПР – Русские песни и романсы. – М., 1989.
 СКСИ – Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. – М.; Донецк, 2006.
 СРЛИ – Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. – М., 1980.
 СУ – Словарь украинца // газета “Сегодня” (Украина), 4 августа 2008 г.
 УБМС – Карастойчева Цветана. Урбанонимите в българския младежки сленг // Състояние и проблеми на българската ономастика. – Велико Търново: ВТУ «Св. св. Кирил и Методий». – 2002. – № 6. – С. 205-216.

Отин Е.С.

СЛЕНГОВІ ВЛАСНІ НАЗВИ В ОНІМНОМУ ПРОСТОРИ СУЧАСНОЇ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ

У статті подається визначення сленгонімів як особливого різновиду онімних колоквиалізмів, наводяться їх класифікація залежно від денотатів, ступеня експресивності, лексичної бази та структури, а також зразки статей для майбутнього словника регіональних онімних сленгізмів («Λογος όνομαστική», № 1 (3), 2009, с. 59-63).

Ключові слова: сленгонім, колоквиалізм, словник сленгонімів.

Отин Е.С.

SLANG PROPER NAMES IN ONYM SPACE OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

The definition of slangonyms as a specific class of proper names as well as their classification have been put up in the article. The mentioned classification takes into attention different parameters of slangonyms. The parts of future vocabulary of slangonyms have been proposed («Λογος όνομαστική», № 1 (3), 2009, с. 59-63).

Keywords: slangonym, colloquialism, vocabulary of slangonyms.